

# **secretcorpus**

тайное становится явным

**DOMINIQUE**  
**SYLVAIN**  
GUERRE  
SALE

# ДОМИНИК СИЛЬВЕН ГРЯЗНАЯ ВОИНА

роман

Перевод с французского  
Оксаны Чураковой



издательство **АСТ** Москва

УДК 821.133.1-312.4

ББК 84(4Фра)-44

С36

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

**Сильвен, Доминик**

С36 Грязная война : роман / ДОМИНИК СИЛЬВЕН ; пер. с франц. О. ЧУРАКОВОЙ. — Москва: АСТ: CORPUS, 2014. — 384 с.

ISBN 978-5-17-085228-4

Звезда французского детектива Доминик Сильвен — автор полутора десятков блистательных романов, лауреат многих премий, в числе которых знаменитая “Чернильная кровь” и Гран-при читательниц журнала *Elle*.

На краю олимпийского бассейна обнаружен труп молодого адвоката, подвергнутого так называемой “казни папаши Лебрена” — распространенной в Африке пытке, когда на шею приговоренного поджигают автомобильную покрывку. Зверский способ убийства и то обстоятельство, что убитый — помощник известного в политических кругах торговца оружием, всколыхнули весь Париж. Майор уголовного розыска Саша Дюген вынужден работать в нечеловеческих условиях. На него открыто давят спецслужбы, в команде не прекращаются мелкие дразги, да еще в расследование постоянно вмешивается колоритная парочка, известная по предыдущим романам Сильвен, — экс-комиссар полиции Лола Жост и ее подруга-стриптизерша Ингрид Дизель, бывшая возлюбленная Дюгена. Сложные отношения с очаровательной Ингрид выбивают майора из равновесия. Убийства между тем следуют одно за другим, и война, которую ему приходится вести, становится по-настоящему грязной.

Роман удостоен премии авторитетного парижского журнала *Lire* “Лучший детектив года”.

УДК 821.133.1-312.4

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-085228-4

© Éditions Viviane Hamy, Paris 2011

© О. Чуракова, перевод на русский язык, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО “Издательство АСТ”, 2014

Издательство CORPUS ®

Он представил воинам сына, сказав,  
что тот преемник его и наследник.

ДЕМЕТРИЙ



## Пролог

**Т**ы прибываешь следующим поездом, я жду тебя на перроне, и со мной вся деревня. Только не говори, что это сюрприз. Думал, я про тебя забуду? Скажешь тоже. Я здесь только ради тебя.

Даже мелкое хулиганье, *янке*, любители устроить заварушку, спокойно сидят на перилах. Твоя репутация им известна, ты — храбрец, какого не всякому повезет встретить. Так они мне сказали, когда мы пускали косяк по кругу. Представляешь картину? Легавый курит со шпаной, ты бы неплохо заработал на этой истории.

Жаль, что ты умер, а то написал бы про это.

*Янке* уважительно помалкивают, не торопятся кричать про всякое колдовство. Даже они в это не верят. Знают: то, за что тебя убили, к дьяволу никакого касательства не имеет. А сюда пришли, чтоб разузнать побольше. И знаешь что? Я с ними согласен.

Кругом только о тебе и говорят. Но лишь я один могу тебя слышать и высказать то, что у меня на душе. Обычно про разговоры с мертвецами болтают старые дураки, но сегодня все по-другому, у меня в голове будто открылась какая-то дверь. Жалко, что я уже слышал притчу, которую ты мне хочешь рассказать. Меня мутит от травки, а твоя болтовня в башке просто не утихает...

*Это притча о халифе, к которому прибежал перепуганный визирь. На базаре ему повстречалась Смерть. Высокая тощая женщина в красном покрывале взглянула на него так странно, что у того все похолодело внутри. Он умоляет халифа дать ему лучшего коня, чтобы бежать далеко-далеко, в Самарканд. Халиф любил своего визиря, он разрешил ему взять лучшего скакуна, и визирь помчался во весь опор: он рассчитывал прибыть в Самарканд еще засветло...*

Твой поезд подходит. Вагоны останавливаются со скрипом. Пассажиры из Киншасы не могут выйти на перрон, переполненный скорбящими. Начальник станции просит толпу расступиться. Янке тоже берутся за дело, кричат “тупым баранам”, чтобы посторонились.

Служащие похоронной конторы вытаскивают тебя из вагона, твои двоюродные братья и я беремся за ручки гроба. Поднимаем его на плечи — а ты, оказывается, легче, чем я думал. Рыдают женщины. Тебе ведь нравится такое внимание, правда? Я точ-



но знаю, можешь не рассказывать сказки. Или нет, продолжай ту, которую начал. Я ее наизусть помню, но мне так приятно слышать твой голос, и я наконец пойму, что ты хочешь мне сказать...

*Взволнованный халиф переодевается купцом и идет на базар искать Смерть. И вот он видит ее. Она в точности такова, как описал визирь: высокая, худая, лицо наполовину скрыто красным покрывалом, бродит себе как ни в чем не бывало. Халиф подходит. Смерть тут же склоняется перед ним.*

— Я хочу спросить у тебя кое-что, — тихо произносит халиф.

— Слушаю тебя.

— Мой визирь еще молод и полон сил, он хорош на службе и, возможно, честен. Почему утром на базаре ты его напугала?..

Мы ставим твой гроб в джип, припаркованный у вокзала. На ветровом стекле по обычаю прикреплен пальмовый лист. Я вижу папашу Вонда и его музыкантов. Твой любимый певец привел с собой мать, главную плакальщицу страны, в роскошной белой накидке, лицо торжественное, как положено в такие дни. Вождь деревни бродит вокруг да около, не знает, как подступиться к столь важной даме. Госпожа Вонда будет по тебе плакать, ты хоть понимаешь, какая честь тебе выпала? Последний раз я слышал ее плач на похоронах министра. Какая привилегия, приятель!

Джип медленно катит к дому твоих родителей, мы идем следом, наши ботинки побелели от пыли. На рассвете апрельский дождь яростно молотил по крышам, но к тебе он явно благоволит. Тучи растаяли, земля высохла, воздух прозрачен, как и положено в ясный день. Ты шествуешь по обновленному миру, брат, хотел бы я одолжить тебе свои глаза.

Процессия прибывает на место, мы вносим тебя в старый дом. Махая лопастями, как пальма листьями, вентилятор перемешивает воздух, пропитанный запахом рагу и риса. Женщины всю ночь готовили, я помогал, потому и знаю, хоть и был пьян. Заходил в бакалею старой Наоми. Зубы она растеряла, зато соображает отлично; хотела мне лавочку свою продать. Но мне только пальмового вина нужно было. Терпкое, цвета разбавленных сливок, я думал, что уже забыл вкус этого кислого пойла.

Мы ставим тебя на циновку. Вождь произносит речь. Пытается рассказать про твои заслуги, но сбивается на забавные случаи. Какой-то *янке* хихикает, толкая локтем приятелей. Все облегченно вздыхают, когда нудные разглагольствования заканчиваются, а госпожа Вонда разводит руки и начинает похоронный плач. Ее помощницы льют горячие реки слез по тебе, словно знали тебя тысячу лет. Одна из плакальщиц красивая и молоденькая, хотел бы я одолжить тебе свою кожу, чтобы ты мог прикоснуться к ней.

Я перехожу от одной группы к другой, прислушиваюсь. Тебе поют дифирамбы, для них ты ге-

рой. Погибший за свободу. У меня другое мнение, но я не вмешиваюсь. Вместо этого слушаю конец твоей надоевшей сказки.

*Удивленная Смерть ответила:*

*— Халиф, я вовсе не собиралась его пугать. Мы с твоим визирем столкнулись в толпе. И я посмотрела на него не с угрозой, а лишь с удивлением.*

*— Почему?*

*— Потому что не ожидала его тут встретить... У меня свидание с ним завтрашней ночью, в Самарканде...*

Самарканд, Самарканд. Забудь Самарканд, Норбер. Ты ведь хочешь сказать, что этот визирь дурак? Но ты сам безумец, приятель. Тебе нужно было бежать без оглядки. Сколько твоих собратьев погибло в последние годы, река крови не скоро высохнет. А ведь судьба предупреждала тебя. Многим ли выпадает такая удача? Ну, скажи, многим? Назови цифру. Просто цифру. Ты молчишь. Я понимаю. Эта цифра — ноль. Ты должен был умереть еще во время первого нападения тех ублюдков в масках. Хочешь, расскажу интересную историю? Молчи и слушай.

У тебя не было ни единого шанса, и все-таки один шанс некий добрый бог тебе подарил. Бог, а не тощая старая сводня. Наверное, он, как и я, окосел от вина и дури и ошибся кварталом. В первый раз эти типы тебя упустили, но они явно собирались вернуться. Бог шепнул тебе, чтоб ты убирался

подальше. Куда угодно, в Самарканд, Киншасу или Тимбукту. Но ты решил иначе. Ты сказал, что если уж умирать, то лучше дома. И без страха ждал новой встречи с женщиной в красном покрывале.

Ты не герой, ты гордец. Подходит твоя сестра. Как и я, Мириам ничего не может понять. Она считает, тебе нужно было сесть в первый же самолет. Сколько раз она твердила это, но ты не послушал. Если уж так суждено, то зачем?

Все совсем не так.

Если уж на то пошло, ты знаешь не больше того младенца, что на спине у твоей соседки. Ровным счетом ничего.

— Ты чего не ешь, Туссен?

— Спасибо, не хочу.

— Надо поесть чуть-чуть, ты же всю ночь пил...

Конечно, твоя сестра права. Впрочем, Мириам всегда права. Но тебе наплевать на это, Норбер Коната, лучший журналист Конго-Киншаса и всей Черной Африки. Папаше Вонда, как видно, тоже, потому что его музыка прерывает Мириам и ее советы. Громкий голос приковывает общее внимание, и вскоре некоторые женщины начинают потихоньку извиваться в такт, покачиваются накидки бубу. Танцем это не назовешь, но они бы с удовольствием станцевали. И возможно, это было бы лучшим способом проститься с тобой. Как жаль, что ты умер, приятель, честное слово, жаль! А то бы потанцевал с ними под пение папаши Вонда. Пусть его оркестр и чертовски хорош, но он не способен пробудить

мертвецов, спящих в нарядных гробах или под рас-  
трескавшейся землей. Так-то.

*Да, покойники спят глубоким сном, друг Туссен, но и они отправлялись в путь с надеждой...* Ты говоришь и говоришь, Норбер, но не произносишь ни звука. Кому ты мешал? Какую крупную рыбу поджарил ты на сковородке своего красноречия?

На твоём месте я бы позаимствовал рот у па-  
паши Вонда. И вместо “прошлого, которое ещё расцветет” и “дружбы, которая никогда не умрет”, я бы спел о насилии. О лицах в масках, о том, как они действуют и почему. Я бы выкрикнул имена. А ты болтаешь про свидание с Судьбой, от которого не смог отказаться?

Я не в настроении слушать сказки.

*Однажды, друг Туссен, тебе тоже назначат встречу...*

Чушь собачья.

*Однажды ты тоже...*

Ну а сейчас, Норбер Коната, лучший журна-  
лист Конго-Киншаса и всей Черной Африки, если не можешь назвать имена и описать лица, пожалуй-  
ста, замолчи...



# Глава 1

*Коломб, парк Пьера Лагравера*

**П**рильнув к лобовому стеклу, сняв ногу с педали, Себастьян Менар разглядел за стеной дождя указатель и свернул с автостреды А86 на второстепенную дорогу. Саша Дюген приказал ему замедлить ход. Лейтенант иронически ухмыльнулся. Денди с трехдневной щетиной и взъерошенной шевелюрой, Менар был недавним выпускником Школы политических наук, а еще молодым балбесом, насмотревшимся детективных сериалов.

Эмманюэль Карль разыгрывала из себя мастера дзен, меланхолично пряча руки в карманах неизменного бежевого пальто. Казалось, ни буйство погоды, ни людские волнения ее не касаются. Но Саша чувствовал: стоит ему выказать малейшее раздражение, это сразу будет занесено в невидимый блокнотик,